

§ 3. “Парад суверенитетов” и судьба реформ. Середина 1990 — середина 1991 г.

Начало независимой политики РСФСР

Трудности перехода к рынку

Осложнение общественно-политической ситуации

Вопрос о сохранении Союза ССР

Внешняя политика

Развитие культуры в период “перестройки”

Начало независимой политики РСФСР

Начало движения за российский суверенитет по времени совпало со вступлением СССР в кризисную фазу развития. С 1990 г. обозначившиеся ранее негативные тенденции приобрели обвальный характер, ведя к разрушению всего государственного организма. Продолжалось углубление кризиса в экономике. Практически все параметры хозяйственного развития имели отрицательную динамику (внутренний валовой продукт, капитальные вложения и др.). Невиданными темпами росла инфляция. Значительно снизился жизненный уровень населения. По словам А. А. Собчака, страна оказалась перед “ужасающей экономической пропастью”.

Зимой-весной 1990 г. разворачивается движение за российский суверенитет, ставшее важнейшим фактором союзного значения. Самые различные организации считали необходимым уточнить место и полномочия РСФСР в Союзе ССР, сформировать в полном объеме республиканские органы власти и общественные организации по аналогии с другими республиками. Предлагалось делегировать центральному правительству лишь часть властных полномочий, установить новые формы взаимоотношений с национальными регионами на демократической основе. Показательно, что этот напор снизу уже не могли игнорировать обычно лояльные Горбачеву российские официальные структуры. Так, 26 марта 1990 г. Совет Министров РСФСР обсудил проект Концепции экономической самостоятельности республики. При этом выражалась уверенность, что реализация проекта будет способствовать консолидации всех союзных республик в едином народнохозяйственном комплексе. Единство в стремлении к суверенитету совмещалось с фундаментальными различиями в представлениях о перспективах развития РСФСР. В рамках сложившейся к 1985 г. системы надежды на решение многих проблем связывались с созданием в рамках КПСС республиканской компартии. Многие по-прежнему продолжали считать партию главным звеном в системе государственного управления. Поэтому движение за создание Российской коммунистической партии получило достаточно широкую поддержку.

В то же время в первой половине 1990 г. шло интенсивное структурирование “антикоммунистической альтернативы” в российской политике. В этот период происходит создание новых партий: возникли Социал-демократическая, Демократическая, Социалистическая, Конституционно-демократическая, Христианско-демократическая, Республиканская. Большинство их объединились в рамках движения “Демократическая Россия”. Основой консолидации стал не только антикоммунизм, но и отторжение социалистического принципа в любом его виде. У руководства “Демроссии” оказались радикально настроенные, прагматически мыслящие политики. Для достижения своих целей они поставили задачу овладения республиканским уровнем управления, что и определило их активное участие в кампании по выборам народных депутатов России зимой — весной 1990.

В этой бурной кампании активно эксплуатировался популизм: щедро раздавались обещания поднять зарплату и увеличить пенсии; обеспечить жильем и хорошим медицинским обслуживанием; наполнить магазины продовольствием и защитить от распоясавшихся преступников; очистить от загрязнения водный и воздушный бассейны; помирить враждующие нации и дать всем долгожданную свободу. “Фирменным знаком” кампании стала борьба с необоснованными привилегиями партийно-советской номенклатуры, оскорбляющими чувство социальной справедливости масс. Предвыборные обещания быстро и безболезненно решить накопившиеся проблемы контрастировали с печатными предупреждениями “демократических” авторов о неизбежности серьезных трудностей для населения при проведении рыночных реформ. Кампания продемонстрировала разъединенность левых сил при ее проведении и высокую степень организованности “демократических движений”. Не стали серьезной силой организации и объединения патриотической направленности, группировавшиеся вокруг блока “Общественно-патриотических движений России”. На том этапе радикалам удалось консолидировать вокруг себя большую часть протестного электората, куда входили и патриоты-государственники, и представители различных социалистических, коммунистических течений. Лозунги демократии как антитезы несвободы, тоталитаризма пользовались широкой популярностью нормально дискуссии второй половины 1990 — первой половины 1991 гг. велись вокруг вопросов, связанных с различным толкованием понятия “суверенитет” и будущего национально-государственного устройства обновленного Союза. Фактически же расхождения между союзными и российскими политиками касались проблемы социалистического выбора и радикального изменения существовавшей социально-экономической и социально-политической системы. И если Горбачев по-прежнему утверждал, что целью преобразований является обновление социализма, то Ельцин и его окружение все определеннее заявляли о либерально-демократическом характере будущих реформ.

Принятие 12 июня 1990 г. I съездом народных депутатов РСФСР Декларации о российском суверенитете, выборы новых руководителей, готовых этот суверенитет отстаивать, создали уникальную в истории СССР ситуацию: впервые появился альтернативный союзному центр принятия решений, российская власть вышла из тени общесоюзной. Однако если провозглашение суверенитета было делом относительно легким, то для проведения реформ в РСФСР по сценарию радикалов в их руках не было достаточно материальных и властных ресурсов: в 1990 1991 гг. подавляющая часть экономических объектов в России была по-прежнему подчинена союзным

ведомствам. Непосредственно республике подчинялись лишь 17% предприятий, расположенных на ее территории (в других союзных республиках эта доля колебалась от 25 до 60%). Общесоюзные же власти управляли и всеми силовыми структурами. Все это предопределило политику российских лидеров: ее содержанием стала борьба за овладение находящимися на территории республики материальными, финансовыми и другими ресурсами. По форме это была жесткая борьба “по всему фронту” против союзных властных структур и проводимой ими политики.

Борьба за власть имеет свою логику. На одном из первых мест в ней — подрыв позиций политического противника. У оппонентов Горбачева изначально была определенная “фора”: они могли резко критиковать Президента СССР за ошибки, бездействие и обещать быстрое решение волновавших общество проблем. Осознание же народом того, что в настоящее время у российских властей нет возможности выполнить обещанное, отодвигало на второй план вопрос о потенциальной ответственности за явно утопические рецепты решения наболевших проблем. Тактика “встречного пожара”, при которой любая, даже разумная инициатива Центра “побивалась” более широкомасштабными декларациями, носила конфронтационный характер. Во второй половине 1990 г. “двоецентризм” постепенно превращалось в “двоевластие”. А. Н. Яковлев полагает, что уже к декабрю Горбачев потерял власть, лишь формально сохраняя ее внешние атрибуты.

С середины 1990 г. начинается проведение независимой политики России. Реализация принципов ее суверенитета рассматривалась как основа выхода из кризиса. В правовом плане эта политика опиралась на ст. 5 Декларации о суверенитете, где провозглашалось верховенство республиканской Конституции и законов над союзными. Эти идеи были развиты в ряде других документов. 24 октября 1990 г. издан закон, дававший право российским органам власти приостанавливать действие союзных актов в том случае, если они нарушают суверенитет РСФСР. Предусматривалось также, что решения высших органов государственной власти СССР, указы и другие акты Президента СССР вступают в действие лишь после их ратификации Верховным Советом РСФСР.

Соответствующие изменения и дополнения в декабре 1990 г. внесены в российскую Конституцию. Установлен был даже штраф в размере от 500 до 10 тыс. рублей за умышленное невыполнение законов РСФСР.

Конкретная российская политика выразилась в принятии серии актов, развивающих положение одного из первых новых законов России — “Закона о собственности на территории РСФСР” от 4 июля 1990 г. В нем говорилось о том, что право собственности на природные богатства и основные производственные фонды регулируется законами РСФСР и автономных республик. Союзу же ССР эти фонды могли предоставляться “в пользование на основе законов РСФСР и Союзного договора”. Постановлением Президиума ВС РСФСР от 9 августа 1990 г. признавались недействительными ранее заключенные без согласования с РСФСР внешнеэкономические соглашения и сделки по продаже драгоценных металлов и других стратегических ресурсов и товаров. Говорилось и о том, что РСФСР не несет ответственности за кредиты, соглашения и сделки, заключенные без согласия ее соответствующих органов. Намечалось введение особого режима осуществления торговых операций с произведенной в республике продукцией.

Решением от 28 августа 1990 г. Совмину РСФСР поручалось заключить

торгово-экономические соглашения с правительствами основных стран-импортеров российских товаров. Одновременно Правительству СССР запрещалось “реэкспортировать” произведенные в республике изделия или добытое сырье без ведома российского. Для реализации этой задачи предполагалось создание Торгово-промышленной палаты РСФСР, Главного таможенного управления РСФСР, Главного управления по туризму, Академии внешней торговли, Товарной биржи РСФСР. Оптово-посреднические фирмы Госснаба СССР, находившиеся на территории РСФСР, переводились в ведение Госкомитета РСФСР по материально-техническому обеспечению республиканских и региональных программ.

Те же цели преследовала и реформа российской финансовой системы. Собственностью России объявлялись расположенные на территории республики учреждения Госбанка СССР, Промстройбанка СССР, Агропромбанка СССР, Жилсоцбанка СССР, Сбербанк СССР, Внешэкономбанка СССР. Российский республиканский банк СССР был преобразован в Государственный банк РСФСР. Ряд законов и постановлений конкретизировал политику России в банковском деле, регулируя статус и взаимоотношения действующих здесь субъектов. Изменения в банковской системе были тесно связаны с коренными новациями в подходе к формированию союзного бюджета. Российские законодатели предполагали лишить бюджет СССР собственных источников налоговых поступлений — теперь все собираемые налоги должны были идти в республиканский бюджет; Россия же передавала Союзу ССР “целевые финансовые средства” в размере, утвержденном ВС РСФСР.

Новые задачи ставились и перед судами республики. Постановлением ВС РСФСР от 18 октября 1990 г. Государственному арбитражу РСФСР и его территориальным организациям вменялось в обязанность при разрешении споров исходить из принципа верховенства в республике законодательства, решений ее Верховного Совета и съездов народных депутатов. Защищать республиканские интересы был призван создаваемый Конституционный суд РСФСР.

Постепенно формировались и другие параллельные союзным государственные структуры. Организация Министерства печати и информации предполагала ускорить создание “четвертой власти”, без которой нельзя “сделать демократию необратимой”. В противостоянии с союзными властями рождалось российское телевидение. Развернулась борьба за обретение республикой своих газет, раздел партийной полиграфической базы. События января 1991 г. в Прибалтике использованы как повод для постановки вопроса о необходимости собственной армии для России. Вскоре было принято решение о создании Комитета по обороне и безопасности, а в мае — собственного КГБ. В январе того же года был создан Совет Федерации РСФСР, началась подготовка Федеративного договора для России. Определялся порядок введения чрезвычайного положения и проведения референдума на территории республики. На государственном уровне началось внедрение идеи о департизации официальных учреждений.

Используя наработки предшественников, российские власти демонстрировали осознанную и энергичную прорыночную политику. Закон “О собственности в РСФСР” легализовал многообразие ее форм. В нем говорилось о том, что имущество может находиться в частной, государственной и муниципальной, а также в собственности общественных объединений. Принятый вслед за ним Закон “О предприятиях и

предпринимательской деятельности” должен был стимулировать активность предприятий, относящихся к различным формам собственности. Разработана и законодательно была оформлена программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР. Созданием конкурентной среды и ограничением монополистической деятельности на товарных рынках должен был заниматься соответствующий Госкомитет. Принят закон о приватизации жилищного фонда. Стимулировалась и регламентировалась инвестиционная деятельность, создавались предпосылки для привлечения иностранного капитала.

Российские власти поощряли создание свободных экономических зон: к середине 1991 г. этот статус предоставлен девяти территориям. Все юридические лица и отдельные граждане получили право участия во внешнеэкономической деятельности и прямой выход на внешний рынок. Большое внимание российские законодатели уделяли аграрной проблематике. Предусматривались списание долгов с колхозов и совхозов; приоритетное финансирование производственной и социальной сфер деревни; попытки начать аграрную реформу через поощрение всех форм хозяйствования. При этом имелось в виду использование наряду с административными и рыночные методы управления.

Решения, кардинально отличавшиеся от горбачевских, выдвигались и применительно к проекту нового Союзного Договора. Вместо постепенной трансформации бюрократического государства в новую, (как говорил М. С. Горбачев, “настоящую” федерацию) “сверху” радикалы предлагали фактически его разрушить и строить новую федерацию “снизу”. Переход к новой стратегии осуществлен во второй половине 1990 — начале 1991 г. Российская сторона резко критиковала все исходившие от союзных структур проекты договора. В то же время в октябре 1990 г. были заключены прямые двусторонние договоры России с Украиной и Казахстаном. Выдвигалась идея “Союза четырех”: России, Украины, Белоруссии и Казахстана. В подписанных документах говорилось о готовности строить межгосударственные отношения на основе признания взаимного суверенитета, отказа от вмешательства во внутренние дела, нерушимости существующих границ.

Аналогичные, откровенно антисоюзные, договоры были подписаны Россией с Латвией, Литвой, Эстонией в январе 1991 г. В том же месяце за подписью первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова появился проект преобразования Союза. В нем предлагаемое “Сообщество” определялось как “конфедеративное объединение суверенных с международно-правовой точки зрения государств”. Провозглашался абсолютный приоритет законов этих государств над законами Сообщества, которое предполагалось без своей собственности и конституции, а решение вопроса о едином гражданстве откладывалось на более позднее время. В “непосредственное управление” Сообществу передавались лишь оборона, безопасность и атомная энергетика.

В 1990-1991 гг. автономные республики стали объектом борьбы за влияние между союзным Центром и Россией. Стимулирующей самостоятельность автономий важный шаг сделан в конце апреля 1990 г., когда был принят Закон СССР “О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации”. Его содержание свидетельствовало о том, что союзную правосубъектность он распространил и на автономные республики в составе союзных: это означало, что реформирование Союза происходило бы за счет развала союзных республик. Закон рассматривал автономные

республики в качестве советских социалистических государств — субъектов Федерации (СССР). Они получили право передавать полномочия Союзу ССР, минуя “свою” союзную республику. Отношения же автономных республик с союзными, в состав которых они входили, предписывалось строить на договорах и соглашениях.

После принятия российской Декларации о суверенитете борьба за автономии проходила под лозунгом: “Кто больше даст?” — и подогревала аппетиты местных национальных элит. При этом союзные власти предполагали участие автономий в общем переговорном процессе, российские же таких условий не ставили. “Россия заключит договор с Татарской Республикой или государством — это как решит Верховный Совет. Будет конфедеративный договор внутри России... Не надо исходить из того, сколько прав даст вам Россия. А надо исходить из того, сколько вы можете взять и какую долю власти делегировать России... Возьмите такую долю самостоятельности, какую можете переварить. А что не можете — отдайте России по договору”, — так летом 1990 г. в Татарстане сформулировал позицию руководства РСФСР Б. Н. Ельцин.

Новые “субъекты Союза” сразу же стали действовать по примеру “старших братьев”: до зимы 1990 г. 14 из 16 российских автономных республик провозгласили суверенитет, а две оставшиеся и некоторые из автономных областей приняли декларации, которые в одностороннем порядке повышали свой политический статус. Спустя полгода уже все автономные области (кроме Еврейской) провозгласили суверенитет в качестве республик. Из названий “Автономная Советская Социалистическая Республика” исчезли слова “автономная”, “советская”, “социалистическая”. Декларации бывших автономий повторяли содержание союзных аналогов: в них встречались требования верховенства республиканского законодательства над российским, а также собственности республики на ресурсы на ее территории. Борьба за автономии между союзными и российскими властями продолжалась вплоть до августа 1991.

В сфере внешней политики началась разработка концепции национально-государственных интересов России. Как отмечает бывший министр иностранных дел РСФСР А. В. Козырев, “направленность этой концепции была задана программными документами “Демократической России”, идеями ряда публицистов и общественных деятелей, стремившихся выработать альтернативу внешнеполитическому курсу Союза”.

Отношения новых российских структур с союзными властями носили остро конфронтационный характер. Российский парламент отверг союзную программу перехода к рынку, не оставляя надежды на компромисс. Российские власти постоянно требовали отставки правительства Н. И. Рыжкова. Они резко осудили решение союзного парламента по изменению системы президентской власти в СССР с целью ее усиления (так называемые “8 пунктов Горбачева”, ноябрь 1991). Российская сторона не пошла на заранее согласованную реформу системы ценообразования. ВС РСФСР выступал против посылки российских граждан за пределы республики для урегулирования межнациональных конфликтов, а также против вовлечения войск в политические конфликты.

Несогласованность в действиях союзного и российского центров власти оказала огромное влияние на ситуацию в стране в целом, приведя к последствиям, которые в 1990 г. едва ли кто мог бы предсказать.

Трудности перехода к рынку

Начало конфронтации между российскими и союзными структурами пришлось на период, когда в среде советской хозяйственно-управленческой элиты при значительном влиянии научного экономического сообщества сложилось представление о той системе мер, которую необходимо осуществить для перехода к рыночным отношениям.

Намерение проводить решительные, хотя и очевидно болезненные, преобразования было существенно простимулировано нарастающим экономическим хаосом в СССР.

В середине 1990 г. в окружении Н. И. Рыжкова были разработаны два варианта перехода к рынку. Первый (“Основные направления”) связывался с именем академика Л. И. Абалкина, отвечавшего в ранге вице-преьера союзного правительства за подготовку экономической реформы. Авторами второго (“500 дней”) были академик С. С. Шаталин и Г. А. Явлинский. Последний длительное время работал в “абалкинской” комиссии, поэтому не случайно специалисты отмечали совпадение базовых положений обеих программ. Они включали приватизацию государственной собственности, поддержку малого и среднего предпринимательства и создание конкурентной среды, восстановление товарно-денежного баланса, плавную реформу ценообразования; индексацию денежных доходов и социальную защиту лиц, оказавшихся за чертой бедности; реорганизацию службы трудоустройства в связи с неизбежным появлением безработицы.

Различия в программах касались двух моментов. Программа “500 дней” предполагала проведение реформы при заключении лишь экономического союза между республиками, отодвигая на дальний срок политический договор. Основными субъектами государственного регулирования считались “суверенные государства”: предполагалось верховенство их законодательств. Отражая настроения нетерпения и выражая их, авторы полагали возможным перейти к рынку за 500 дней. Сторонники абалкинского подхода рассчитывали, что на это уйдет 6-8 лет. Характерно, что в газете “Демократическая Россия” программа опубликована под заголовком “Россия ждать не может”. Именно заключающаяся в плане “500 дней” “философия действия” предопределила то, что он был взят на вооружение руководством РСФСР в качестве российской программы экономических реформ. Различия, которые имели между собой союзная программа и “500 дней” стали трактоваться как непреодолимые. Пропаганда российского плана была сдобрена изрядной дозой популизма. Помимо революционных темпов, переход к рынку обещали осуществить без ущерба населению.

Осенью 1990 г. в полной мере проявилось противоречие между необходимостью проведения активной экономической политики и неготовностью государственно-политических структур это делать. Кризис народного хозяйства требовал принятия срочных мер, однако в Москве не было единства в том, какими они

должны быть. Российский парламент одобрил программу “500 дней”, Верховный Совет СССР принял свой план рыночного реформирования (“Основные направления”). В результате не просто не было согласованных действий, а отношения между союзными и республиканскими властями приобрели остро конфликтный характер, блокируя любые реформаторские начинания. Союзный премьер-министр Н. И. Рыжков подвергался беспощадной критике за неудачи в экономике предшествующих лет, излишнюю осторожность при выборе мер преобразований, неготовность и даже нежелание переходить к рынку. Внезапная болезнь (инфаркт в конце декабря 1990) поставила окончательную точку в вопросе о его отставке. Вместо него премьером 11 января 1991 г. был назначен В. С. Павлов (министр финансов прежнего правительства), старавшийся в 1989 -1990 гг. сохранять политическую нейтральность.

Правительство Павлова приступило к работе в нелегких условиях. Оно получило охваченную спадом экономику, острый дефицит бюджетных средств. Эти трудности усугублялись тем, что суверенные республики явочным порядком стали проводить в жизнь систему одноканального поступления налогов в бюджет. Накануне 1991 г. российское руководство решило сократить отчисления Союзу на 100 млрд рублей. Отрицательно повлиял на советскую экономику переход на мировые цены и расчеты в свободно конвертируемой валюте с бывшими социалистическими странами. Связывала руки правительству усиливавшаяся политическая конфронтация между союзными и республиканскими властями. В результате отсутствовала возможность своевременно и комплексно проводить непопулярные, но необходимые меры, что, с одной стороны, снижало их эффективность, а с другой — вновь ставило правительство под огонь жесткой критики.

Экономическое неблагополучие особенно болезненно проявлялось в социальной сфере. В 1991 г. основных продуктов в расчете на душу населения в целом было столько же или несколько меньше, чем в 1985, хотя уже тогда этот уровень признавался недостаточным. Сокращалось производство продовольственных изделий. Меньше было произведено сахара, мяса, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, животного масла и цельномолочной продукции. Продолжавшийся рост объема денежной массы привел к повышению цен практически на все потребительские товары, которые от этого не стали доступнее. А их нехватка порождала ажиотажный спрос, усиливая всяческие дефициты: “про запас” скупалось то, что имело относительно продолжительный срок хранения. В марте 1991 г. Госкомстат констатировал, что на долю нормированной розничной продажи основных видов продукции приходится от 70 до 100% всех ресурсов. В связи с нехваткой товаров в ряде регионов отменялась талонная система, так как власти не могли обеспечить население даже по заявленным скудным нормам.

Осложнение общественно-политической ситуации

“Парад суверенитетов”, экономический хаос, межнациональные конфликты привели к значительному осложнению общественно-политической ситуации. С весны 1990 г. возникают партии откровенно антисоциалистического характера. Судьба же провозглашенных в 1985 г. реформ и судьба самого Союза ССР во многом зависели от состояния ведущего элемента советской политической системы — КПСС. В то время когда в обществе реально существовал инициированный “сверху” идеологический и политический плюрализм, партия формально оставалась единой “монолитной” организацией. Руководство уклонялось от признания того факта, что она уже не была союзом единомышленников, а внутривнутрипартийные разногласия часто имели непримиримый характер. Произошел фактический раскол на ряд фракций или “платформ”. “Демократическая платформа” выступала с социал-демократических позиций. “Марксистская платформа” критиковала отступления от марксизма и ратовала за возврат к его классическим образцам. Крайне левые силы объединились в движения “Коммунистическая инициатива” и общество “Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы”.

Кризис в КПСС возник не случайно и связан с определенными представлениями о характере и перспективах возможной эволюции этого политического института. В 1985-1991 гг. сложились два подхода к партии, которые можно условно назвать ликвидаторским и прагматическим. Первый исходил из того, что КПСС являлась хребтом тоталитарной системы, поэтому ее необходимо ликвидировать. Сторонники такого взгляда не только не занимались разработкой концепции перестройки партии, но и доказывали ее ненужность. А перестройка жесткой иерархической организации могла быть осуществлена лишь “сверху”. Эту позицию разделял М. С. Горбачев. Его скептическое к КПСС отношение к лету 1990 г. заметно усилилось. В ответ на совет своего помощника А. С. Черняева оставить пост Генерального Секретаря ЦК КПСС Горбачев произнес: “Знаешь, Толя, думаешь не вижу... как сговорились все, уговаривают бросить генсекство. Но пойми: нельзя эту паршивую взбесившуюся собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина целиком будет против меня”.

Сторонники другого подхода в отношении к КПСС рассматривали партию не столько как “тоталитарную структуру”, сколько как исторически сложившийся институт управления, “партию власти”. Они полагали, что это — единственная общесоюзная сила, держащая в своих руках все общественные связи. Поэтому быстрое ее отстранение от власти фактически будет означать не шаг к демократии, а дезертирство, которое непременно ввергнет страну в еще больший хаос. Считалось, что партия, произведя внутреннюю реорганизацию, должна возглавить преобразования при сохранении высокой степени управляемости социальными процессами, “без потрясений”. Все эти идеи оказались невостребованными и даже всерьез “наверху” не обсуждались.

Кризис партии в полной мере проявился на ставшем последним XXVIII съезде КПСС (июль 1990). Многие делегаты выразили неудовлетворенность работой высшего партийного руководства и ближайшего окружения генсека. Съезд заменил Программу партии программным документом “К гуманному демократическому социализму”, содержащем достаточно общие декларации. Коренное изменение претерпели и

организационные основы деятельности КПСС. Съезд закрепил “право отдельных коммунистов и групп выражать свои взгляды в платформах”, т.е. возродил фракционность. Кроме этого, Съезд установил фактически неограниченную “самостоятельность компартий союзных республик”. КПСС вместо единой централизованной организации становилась “союзом” республиканских компартий, что наносило удар по государственному единству СССР.

Осенью 1990 г. наблюдалась повсеместная радикализация общественно-политических настроений. Это было во многом связано с ухудшением продовольственного снабжения, нехваткой самых различных товаров. В августе по стране прокатилась волна “табачных” бунтов — только в Москве их было более 100. Несмотря на то что летом 1990 г. собран рекордный урожай зерна (220 млн т), в сентябре разразился хлебный кризис. Одновременная остановка на ремонт табачных фабрик и хлебопекарен у многих вызывала недоумение. Подозрения в “рукотворном” характере трудностей подогревались информацией о наличии огромных запасов товаров в разного рода “накопителях”. Одни политики объясняли это пороками существовавшей системы, другие усматривали здесь намеренный саботаж.

Так или иначе, и сторонники сохранения социализма, и те, кто хотел от него уйти, стали говорить о необходимости “наведения порядка”, введения жестких, чрезвычайных мер для преодоления кризиса. При этом обе стороны обвиняли друг друга в стремлении к диктатуре. Так, 16 сентября, в день проведения демократического митинга на Манежной площади в поддержку программы “500 дней” были замечены передвижения войск под Москвой, что дало основание бросить обвинение властям в подготовке силовой акции. В том же месяце заметное распространение получил документ под названием “Программа действий-90”, подготовленный одной из входивших в “Демократическую Россию” организаций. Текст содержал призывы к созданию комитетов гражданского действия, цель которых, — дестабилизация в обществе, разгром общественно-политических структур с помощью массовых акций: демонстраций, пикетирования, забастовок. Предлагалось перейти и к “явочной приватизации” — насильственному изъятию у колхозов и совхозов земель с помощью особых групп захвата.

7 ноября, в разгар праздничной демонстрации на Красной площади, член Ленинградского народного фронта с расстояния в 50 метров дважды стрелял в М. С. Горбачева. Неудавшийся теракт заставил Президента СССР резко сдвинуть свой курс вправо. Он внес в Верховный Совет предложения, нацеленные на укрепление исполнительной власти (“8 пунктов Горбачева”). При этом подчеркивалось, что речь идет не о диктатуре, а о наведении порядка, развитии подлинно демократических процессов, восстановлении управляемости экономикой, пресечении межнациональных распрей и борьбе против преступности. В начале января 1991 г. по сути утверждалась форма президентского правления. Реорганизованы были исполнительно-распорядительные органы власти, введен в действие совместный приказ министров обороны и внутренних дел об организации совместного патрулирования городов и населенных пунктов солдатами и милицией.

Возможность укрепления союзных структур вызывала озабоченность у либеральных политиков. Они полагали, что Горбачев попал под влияние “реакционеров”, под которыми подразумевали “партократов”, верхушку ВПК, генералитет и офицерство, сотрульников союзных ведомств, большинство членов Верховного Совета СССР.

Отражая эти настроения, Э.А. Шеварднадзе на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990) заявил, что “грядет диктатура” и в знак протеста подал в отставку с поста министра иностранных дел. На том же съезде вице-президентом СССР стал Г. И. Янаев (ранее работал в комсомольских и профсоюзных структурах), что было расценено как подтверждение новой, консервативной тенденции.

Огромное влияние на эскалацию противостояния между российскими и союзными властями оказали столкновения гражданского населения и подразделений армии, МВД в Литве и Латвии. В Вильнюсе, в ночь с 12 на 13 января 1991 г., при попытке захвата телевизионного центра пролилась кровь. Противостоящие стороны, как и многие советские граждане, по-разному определяли приведшие к этому причины. Напряженность нарастала и в связи отсутствием вразумительных объяснений со стороны союзного руководства, что некоторыми трактовалось как свидетельство его соучастия в конфликте. Российские либералы болезненно реагировали на произошедшее, опасаясь повторения “вильнюсского сценария” в схожих ситуациях. Усилилась критика в адрес М. С. Горбачева, союзного правительства, военных. 19 февраля 1991 г. выступая на телевидении, Б. Н. Ельцин потребовал отставки Президента СССР, а 9 марта призвал своих сторонников “объявить войну руководству страны”.

Контрпродуктивность проводившейся руководством РСФСР политики становилась для многих очевидной — столь разительным было несоответствие реальностей начала 1991 г. ожиданиям весны — лета 1990. Недовольство сложившейся ситуацией проявилось на самом высоком властном уровне России. 21 февраля 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР 6 членов его Президиума выступили с заявлением, осуждавшим действия Б. Н. Ельцина, и потребовали его отставки. Заявление подписали заместители Председателя Верховного Совета С. П. Горячева и Б. М. Исаев; председатели Палат Верховного Совета Р. Г. Абдулатипов и В. Б. Исаков; заместитель председателя Палаты А. А. Вешняков и секретарь Президиума Верховного Совета В. Г. Сыроватко. В прошлом все они были сторонниками Ельцина. В документе отмечался авторитарный характер руководства со стороны Председателя Верховного Совета, “пренебрежение теми органами, которые законно избраны”, единоличное принятие многих важных решений. Отмечалось также, что Ельцин проводит “проводит узкопартийный курс, отвечающий интересам блока новых политических сил, но противоречащий коренным интересам России”. Ельцин обвинялся также в развале СССР, неспособности организовать консолидированную и созидательную работу Верховного Совета РСФСР, нежелании проводить реформы при громогласных призывах к ним.

Определенной политической развилкой можно считать III внеочередной съезд народных депутатов РСФСР, созванный в марте 1991 г. для отчета российского руководства. Его судьба после этого форума могла сложиться по-разному. Однако ввод союзными властями войск в столицу накануне открытия съезда лишь усилил “антицентристскую” консолидацию российского депутатского корпуса, который почувствовал себя оскорбленным непродуманной горбачевской акцией. Ельцин и его сторонники максимально использовали предоставленный им шанс. Осудив давление на российский съезд, Ельцин заявил, что является сторонником коалиционной политики, в реализации которой могут принять участие все, в том числе “прогрессивно мыслящие члены КПСС”. Возможность такой коалиции была подтверждена демаршем полковника А. В. Рущого, заявившего о создании фракции “Коммунисты — за демократию” и ее

готовности поддержать Б. Н. Ельцина. Это раскололо коммунистов. Давление на съезд “снизу” оказали и шахтеры, с которыми весной 1991 г. лидеры радикалов работали в “плотном контакте”. В серии своих резолюций горняки требовали отставки Горбачева и безоговорочно поддерживали российских радикалов. Учитывая общие настроения, Ельцин выступил за скорейшее подписание Договора о Союзе Суверенных Государств как “федеративного добровольного и равноправного объединения”. В результате он не только не был отстранен от власти, но, наоборот, получил на Третьем съезде дополнительные полномочия, а на Четвертом (май 1991) — решение о проведении выборов президента в сжатые сроки, что повышало его шансы на победу.

12 июня 1991 г. состоялись выборы Президента Российской Федерации. Б. Н. Ельцин набрал 57,3% от числа голосовавших. Конкурировавшие с ним Н. И. Рыжков — 16,8; В. В. Жириновский — 7,8; А. М. Тулеев — 6,8; А. М. Макашов — 3,7; В. В. Бакатин — 3,4%. Победа с большим отрывом от соперников уже в первом туре голосования была политически очень важна, поскольку давала статус “всенародно избранного” и позволяла трактовать предвыборную программу как волю большинства граждан России. Начало оформления института российского президентства, радикализм лидера, поддержанного не менее радикально настроенными реформаторами, оказали значительное влияние на последующее развитие событий.

Что же касается М. С. Горбачева, то к весне 1991 г. он был уже не столь популярен, все чаще публично подвергался жесткой критике со стороны как “левых”, так и “правых”. На съездах народных депутатов и в Верховном Совете СССР против него активно выступала группа “Союз”, обвинявшая Президента в поощрении сепаратизма и развале государства, сдаче внешнеполитических позиций страны. Резкая критика за фактический отход от социализма и СССР, провалы в социально-экономической политике на апрельском пленуме ЦК КПСС едва не привела Горбачева к отставке с поста Генерального секретаря. В июне 1991 г. глава союзного правительства В. С. Павлов запросил у Верховного Совета дополнительные полномочия для принятия срочных мер по спасению экономики, что являлось прямой реакцией на нерешительность союзного Президента. В свою очередь, радикально-либеральные силы критиковали его за нежелание порвать с социализмом и избавиться от влияния связанных с ним консервативных сил.

Вопрос о сохранении Союза ССР

В первые месяцы 1991 г. политическое противостояние между общесоюзными и республиканскими властями приняло форму борьбы за “рамочные” условия влияния в

Союзе. На первый план выдвинулась проблема разграничения полномочий между Центром и союзными республиками, получившая название “подготовки нового союзного договора”. Идея проведения всесоюзного референдума была сформулирована Горбачевым и одобрена Верховным Советом СССР в январе 1991 г. Идя на эту акцию, он рассчитывал на численное преобладание русских и их государственный патриотизм; на представителей этнических групп, живущих на “чужих” национальных территориях и уже не имевших иллюзий относительно своих перспектив в будущих “независимых государствах”. Расчет делался и на мобилизацию консолидирующих сегментов советской исторической памяти о войне, послевоенном восстановлении, совместном освоении территорий, решении общих хозяйственных задач, взаимопомощи в экстренных ситуациях. 17 марта 1991 г. гражданам СССР предстояло ответить на вопрос: “Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?”.

Шесть республик — Грузия, Литва, Молдавия, Латвия, Армения и Эстония — отказались проводить референдум на своей территории. Российское руководство также критиковало этот замысел, указывая прежде всего на то, что вынесенная на голосование формулировка вопроса содержит не один, а несколько вопросов, и это способно исказить волю граждан, имеющих разные ответы на фактически поставленные различные вопросы. Одновременно в России объявляется свой референдум об учреждении в республике института президента. Введение этого поста было призвано укрепить ее суверенитет в отношениях с союзным Центром. В конкретных условиях того времени это означало усиление центробежных тенденций, так как суверенитет понимался преимущественно как обособление.

Всего на участки для голосования пришли 80% граждан, имевших право участвовать в референдуме. Из них 76,4% ответили на вопрос референдума “Да”, 21,7 — дали отрицательный ответ. Около 2% бюллетеней признаны недействительными. Результаты голосования в РСФСР выглядели несколько парадоксально: с одной стороны, 71,3% участников проголосовали за сохранение Союза в горбачевской формулировке, с другой, - почти столько же (70) высказались за введение в республике поста Президента. Итоги референдума по России трудно было трактовать как победу замысла Президента СССР. Во-первых, республика находилась на предпоследнем месте по проценту положительных ответов, меньше (70,2%) было только у Украины. Во-вторых, они свидетельствовали о высоких шансах Ельцина на победу на грядущих выборах. Все это не сулило мира в отношениях между двумя центрами власти.

Интеграционный ресурс результатов референдума был ослаблен не только в России. На Украине, по постановлению Верховного Совета УССР, одновременно с общесоюзным референдумом проводился опрос населения по вопросу “Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на началах декларации о государственном суверенитете Украины?” Число граждан, ответивших “да” на вопрос республиканского бюллетеня, составило 80,17%, т.е. больше, чем высказались за Союз. Это подтверждало базовую идею Декларации о приоритете украинских законов над союзными, что практически исключало создание нового федеративного государства с полноценным участием Украины. “Отличился” и Казахстан: его власти вместо союзной предложили свою формулировку вопроса

референдума: “Считаете ли вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?”. Положительно ответили в республике 94% голосовавших.

Проведение референдума 17 марта 1991 г. и его итоги дали возможность Президенту СССР продолжить попытки возобновления разработки нового Союзного договора, с тем чтобы завершить ее в сжатые сроки. Началась подготовка третьего с весны 1990 г. проекта. Политическая инициатива в этом вопросе с конца 1990 г. целиком перешла к республиканским элитам; влияние центральных структур было предельно ослаблено. В этих условиях Горбачев практически полностью переориентируется на прямой диалог с республиканскими лидерами, игнорируя позицию высших органов власти СССР, используя их лишь в случае необходимости подкрепления собственных инициатив коллегиальными решениями. В новых условиях успех переговоров мог быть достигнут лишь при молчаливом согласии Президента СССР на конфедеративное устройство будущего Союза, хотя это означало отход от позиции, зафиксированной референдумом. Президент СССР пытался хотя бы как-то задержать продолжающийся развал страны. Республики, сознавая слабость позиций союзного президента, требовали себе все новые полномочия, до предела усекая властные возможности Центра. Решая свои, весьма различающиеся задачи стороны, однако, не могли полностью игнорировать итоги референдума и поэтому в своей риторике активно использовали понятия “единое союзное государство”, “федерация”, в правовом же плане все более отходя от них.

Все это ярко проявилось в так называемом “новоогаревском процессе” (от названия резиденции в подмосковном поселке Ново-Огарево, где состоялись переговоры), первый этап которого продолжался с 23 апреля по 23 июля 1991. Переговоры лидеров республик проходили очень трудно. Как вспоминал их участник А. И. Лукьянов, даже последнее заседание 23 июля, на котором обсуждался итоговый вариант Договора об ССГ, было неконструктивным. Предлагалось исключить из него упоминание о том, что Союз ССР является суверенным федеративным государством; ему отказывали в праве иметь собственность, отстаивали одноканальную систему поступления налогов. Представитель Украины выступил на встрече с заявлением, что эта республика будет решать вопрос о своем отношении к союзному договору не раньше середины сентября. К Договору были готовы присоединиться лишь 8 из 15 союзных республик.

В результате, одобрив в целом проект, участники встречи пришли к выводу о целесообразности подписать Договор в сентябре — октябре на съезде народных депутатов СССР. Горбачев поддержал такой порядок подписания союзного договора. Однако 29 — 30 июля 1991 г. в Ново-Огарево прошли закрытые встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, где союзный предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта не в сентябре — октябре, а 20 августа. Республиканские лидеры согласились с этой идеей, ибо понимали, что проект договора в последней редакции не пройдет в Верховном Совете СССР и уж тем более на союзном съезде народных депутатов. А поскольку в августе парламентарии были на каникулах, то время для подписания “нужного” проекта представлялось удачным. В обмен на согласие республиканских лидеров Горбачев принял требование Ельцина об одно-канальной системе поступления налогов в бюджеты. По настоянию собеседников он согласился и на перестановки в высшем эшелоне союзной власти: немедленной замене подлежали В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, Г. И. Янаев. Эти люди в июне — июле

1991 г. активно выступали за принятие энергичных мер по сохранению СССР и последовательно критиковали “новоогаревцев”. 4 августа Горбачев отправился в отпуск в Крым.

Итоговый проект Договора отразил как масштабы претензий республик, так и уровень фактической дезинтеграции СССР. Согласно документу, республики-участники признавались суверенными государствами, “полноправными членами международного сообщества”. Союз Советских Суверенных Республик определялся как “суверенное федеративное демократическое государство”, однако из контекста следовало, что суверенитет республик первичен. За Союзом предусматривалось сохранение объектов собственности, необходимых для осуществления возложенных на него полномочий, однако он лишался собственных налоговых поступлений: устанавливалась одноканальная система сбора налогов, при которой союзный бюджет определялся республиками на основе представленных Союзом статей и расходов. В документе не фиксировались сроки принятия нового Основного Закона, что не связывало государства-участники определенными обязательствами. Фактически же это положение на неопределенное время консервировало ситуацию правовой конфликтности, характеризовавшую отношения между Центром и республиками после принятия деклараций о суверенитете, от которых в 1991 г. никто не собирался отказываться. Вполне реальной становилась перспектива, когда для государств, подписавших новый договор, с той же даты считались бы утратившими силу Договор об образовании Союза ССР 1922 г. и Конституция. Это означало бы “мягкий” выход из СССР, который освобождал новые страны от выяснения отношений с бывшими “братьями” по Союзу по закону, принятому в апреле 1990 г.

Юридическая оценка итогового проекта Договора сделана группой из 15 экспертов еще до 19 августа 1991. Они поставили под сомнение правовую значимость документа, признав его внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения правопреемственного. Эксперты констатировали, что, “признав федерацию, договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб государств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем заложены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Проводя эту линию тайно, неявно, он вдвойне опасен, поскольку размывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр”. По замечанию свидетеля новоогаревских дискуссий правоведа Ю. М. Батурина, “выбор между юридическим качеством и политической целесообразностью был сделан в пользу последней”.

Широкая общественность могла обсуждать только один, самый первый новоогаревский проект, который был одобрен 16 июня 1991 г. и опубликован 27-го. Дальнейшая доработка велась в обстановке секретности, что вызывало различные слухи, будоражило членов правительства, депутатов, общественные организации. Итоговый документ опубликован лишь в пятницу 16 августа 1991 г., за три дня до даты предполагаемого подписания (причем в пятницу), что практически исключало его обстоятельное обсуждение и внесение поправок.

Верховный Совет СССР имел возможность рассмотреть лишь первый подготовленный “десяткой”(“9+1”) проект Договора. Постановление по проекту от 12 июля 1991 г. предусматривало формирование полномочной делегации Союза ССР для доработки и согласования текста Договора в соответствии с замечаниями и предложениями, высказанными комитетами, комиссиями, членами Верховного Совета СССР, а также

народными депутатами СССР. Фактически это означало выражение недоверия Президенту СССР, который в ходе совместной с республиканскими лидерами работе над документами игнорировал позиции союзных законодателей. Поэтому союзные парламентарии сформулировали целый ряд принципиальных замечаний, учет которых был обязательным при подготовке итогового варианта договора. Однако они не были учтены при доработке текста. Этим можно объяснить то, что Горбачев ни разу не собрал союзную делегацию для его обсуждения. Именно это заставило Лукьянова 16 августа подготовить “Заявление Председателя Верховного Совета СССР”, в котором он вновь воспроизвел идеи Постановления ВС СССР от 12 июля 1991 г. Автор акцентировал внимание на том, что Союзный договор необходим, но его следует заключать после доработки в ВС СССР и с обязательным отражением результатов референдума 17 марта, где большинство высказались за сохранение обновленного, но единого федеративного государства.

Определенные демарши предприняло и союзное правительство. По инициативе В. С. Павлова итоговый текст Договора 17 августа обсудил Президиум Кабинета министров. Он также одобрил идею, но сформулировал ряд требований, которые министры считали необходимым включить в прилагаемый к Договору протокол, который должен был стать составной и обязательной для исполнения его частью. Горбачев согласился встретиться с премьером 19 августа для обсуждения предложений, однако характер их был таков, что компромисс уже едва ли мог быть достигнут.

Все это привело к тому, что итогом “новоогаревского процесса” еще до 19 августа стало создание документа, который означал прекращение существования СССР как единого государства. Возможное подписание Договора не означало бы “мгновенного” исчезновения СССР, поскольку еще сохранялись единая армия, валюта, связывающая советское пространство инфраструктура (энергетическая, транспортная и т.д.), но их раздел при сознательной ликвидации общих управленческих институтов становился вопросом ближайшего времени. Подготовленный к подписанию проект Договора по сути легализовал отношения между бывшими союзными республиками, зафиксированные позднее в декабрьских документах 1991 г.

Внешняя политика

Колоссальные изменения, произошедшие в 1989-1990 гг. в мире, и в особенности на европейском континенте, были закреплены в серии важных документов. В ноябре 1990 г. в Париже в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе состоялась встреча делегаций 34 стран. По ее итогам принята “Парижская хартия для

новой Европы”, которая зафиксировала окончание “эры конфронтации и раскола” европейского континента и декларировала намерение открыть “новую эру демократии, мира и единства”. Подписавшие “Хартию” страны выразили готовность не только взаимодействовать по проблемам безопасности, но и развивать широкое всестороннее сотрудничество на основе единых ценностей. Там же, в Париже, 19 ноября 1990 г. лидеры 22 государств, входивших в Организацию Варшавского Договора и НАТО, подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Переговоры по этой проблематике продолжались более 30 лет, но лишь в 1990 г. стороны смогли достичь согласия. Договор предусматривал значительное сокращение вооружений — от Атлантики до Урала. Оставшихся сил должно было быть достаточно для решения оборонительных задач, но при этом возможности для ведения наступательных операций резко сокращались. Устанавливались коллективные предельные уровни для стран НАТО и ОВД. Так, по танкам они не должны были превышать 20 тыс. единиц (на момент подписания страны НАТО располагали 30, а ОВД — 60 тыс.), т.е. сокращение вновь имело асимметричный характер. Договор был призван стать основой новой системы безопасности. В принятой по его итогам 19 ноября 1990 г. “Совместной декларации двадцати двух государств” констатировалось, что подписавшие ее страны “больше не являются противниками, будут строить новые отношения партнерства и протягивают друг другу руку дружбы”.

В 1990-1991 г. динамично развивались советско-американские отношения. В июне 1990 г. во время визита М. С. Горбачева в Вашингтон подписана серия документов о сотрудничестве в самых разных областях: соглашение по торговле, по уничтожению и производству химического оружия; протокол к договору по ядерным испытаниям, соглашение по сотрудничеству в области использования атомной энергии, по студенческим обменам. По мнению Горбачева, эти документы демонстрировали, что “наша совместная линия на переход от конструктивного взаимопонимания к конструктивному взаимодействию приносит свои плоды”. Новые отношения между СССР и США подверглись серьезному испытанию в остром военно-политическом кризисе в Персидском заливе (в августе 1990 — феврале 1991). В ответ на оккупацию Ираком Кувейта страны Запада решили применить силу против агрессора. Для СССР ситуация осложнялась тем, что Ирак длительное время выступал в качестве его важного торгового партнера, связанного к тому же с нашей страной с 1972 г. Договором о дружбе и сотрудничестве. Тем не менее СССР выступил против агрессора единым фронтом с западными странами. 29 ноября 1990 г. наш представитель в ООН голосовал за резолюцию, санкционировавшую использование силы против Ирака.

31 июля 1991 г. в Москве подписан важный советско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Согласно этому документу, количество межконтинентальных баллистических ракет у каждого государства сокращалось на 30-40%, с тем чтобы добиться равного предельного уровня у обеих сторон. Он не должен был превышать 1600 носителей и 6000 зарядов. Сокращение учитывало различия в структуре ядерных вооружений СССР и США. Как и в случае с договором по РСМД (1987), подписание этого соглашения оказалось возможным благодаря решению вопроса о проведении инспекций на местах. Договор стал прорывом в сокращении атомных арсеналов двух крупнейших ядерных держав.

В 1990-1991 гг. Советский Союз утрачивал свои позиции в странах Центральной и Восточной Европы, лидеры которых активно переориентировались на Запад. Этому

способствовали ошибочные шаги советского руководства, в частности переход в 1990 г. в расчетах со странами СЭВ на мировые цены с использованием свободно конвертируемой валюты. Угасало и сотрудничество бывших соцстран в рамках ОВД, что привело к упразднению этой организации в марте 1991. С весны того же года СССР пытался строить новые отношения с бывшими партнерами на двусторонней основе. В проекты договоров включался пункт, согласно которому ни одна из сторон не могла вступать в союзы, направленные против другой стороны договора, а также размещать на своей территории иностранные войска. Однако никто из бывших советских союзников не изъявил готовности пойти на подобное ограничение своего суверенитета в будущем. Устные же договоренности с американской и европейскими сторонами о нерасширении НАТО не были подкреплены документально.

Ухудшение экономического положения и политические трудности в СССР конца 1990-1991 гг. осложняли возможности проведения эффективной внешней политики. Негативное влияние оказывал и подрыв единства страны в результате суверенизаторских устремлений ряда союзных республик. Весной 1991 г. в США постепенно созревает идея “подмены Центра” и переноса центра тяжести в сотрудничестве с союзных преимущественно на республиканские структуры. В июле 1991 г. на встрече “большой семерки” и М. С. Горбачева в Лондоне советскому лидеру было отказано в предоставлении масштабной экономической помощи, о которой он просил. В тех конкретных условиях это серьезно подрывало позиции союзных властных структур. А после политического кризиса 19-21 августа 1991 г. сторонники дезинтеграции СССР на Западе практически не скрывали своих взглядов.

Американскую стратегию в отношении СССР в годы “перестройки” позднее достаточно откровенно разъяснил президент Б. Клинтон. Выступая в октябре 1995 г. в Объединенном комитете начальников штабов, он сказал: “Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать... В ходе так называемой перестройки... расшатал идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке”.

Развитие культуры в период “перестройки”

Основные процессы в развитии культуры “перестроечного” периода связаны с раскрепощением, преодолением одномерности общественного сознания, формированием более объективной картины окружающего человека мира. Одной из главных черт культуры тех лет стала ее публицистичность, постановка крупных общественно значимых тем, широкое и заинтересованное внимание к обсуждаемым вопросам. В 1987 г. в толстых журналах была напечатана серия материалов о настоящем, прошлом и будущем России. В “Новом мире” появились статьи И. М. Клямкина “Какая улица ведет к храму?”; В. И. Селюнина и Г. Н. Ханина — “Лукавая цифра”; Н. П. Шмелева — “Авансы и долги”. Эти и другие материалы вызвали большой интерес новизной привлеченных фактов и своим разоблачительным пафосом. В них ставился глобальный вопрос о содержании пройденного страной в XX в. пути и правильности избранной в 1917 г. модели развития.

Утоляя накопившийся за многие годы информационный голод, средства массовой информации печали огромное количество материалов на самые острые современные темы; сюжеты из прошлого и о том, чем и как жили люди в других государствах. Тиражи газет и журналов стремительно шли вверх: в 1989 г. тираж “Аргументов и фактов” “взлетел” до 30 млн экземпляров (это было даже зафиксировано в Книге рекордов Гиннеса); тираж газеты “Труд” вырос до 20 млн, а “Правды” — до 10. Значительно изменился стиль работы телевидения. Оно быстро освоило ранее практически неиспользуемый жанр — “прямой эфир”. Большими симпатиями зрителей пользовались передачи “Взгляд”, “До и после полуночи”, “Пятое колесо”. Ведущие этих передач были необычайно популярными, становились и деятелями российской политики. Возможности создания независимых СМИ стали больше после выхода в 1990 г. Закона “О печати”.

Никогда ранее не был столь значительным интерес к истории. Страна переживала настоящий “исторический бум”. В 1987-1991 гг. газеты и журналы часто печатали материалы “круглых столов” на исторические темы, “размышления” историков и публицистов. Упрощение доступа к архивным фондам привело к появлению в печати массы сенсационных документов, которые становились достоянием самой широкой публики. Принципиально важным было снятие покрова тайны с многих страниц истории КПСС. Возобновлено было издание журнала “Известия ЦК КПСС”, знакомявшего с закрытыми ранее партийными решениями. Здесь, например, впервые в СССР опубликован доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. Политические преобразования в СССР позволили реабилитировать не только тех, кто предан забвению, но и тех, кто еще недавно подвергался беспощадной разносной критике во всех учебниках по истории КПСС. В историю были “возвращены” Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Ф. Ф. Раскольников, В. А. Антонов-Овсеенко и многие другие.

Восстановлению исторической памяти способствовала публикация работ русских философов и писателей, чьи имена были под запретом. Среди них — Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Г. П. Федотов, П. А. Сорокин, В. В. Розанов, И. А. Ильин. В 1990 г. переиздан сборник “Из глубины”, написанный русскими философами в 1918. В 1991 г. опубликованы не менее знаменитые “Вехи”, явившиеся в свое время “предостережением русских философов судьбе России и интеллигенции”. Массовыми тиражами издавались “Реквием” А. А. Ахматовой, “Котлован” и “Чивенгур” А. П. Платонова, “Мы” Е. И.

Замятина. Потрясение вызывали публикации А. И Солженицына (“Архипелаг ГУЛАГ”) и В. А. Шаламова (“Колымские рассказы”).

Событием огромной культурной важности стал фактический отказ государства от агрессивного атеизма. Возрождались прерванная в 1917 г. традиция христианства. Восстанавливались ранее разрушенные храмы, открывались духовные школы, семинарии. В 1988 г. было зарегистрировано 176, в 1989 — 460 новых православных объединений; в начале 1990 г. в РСФСР действовало 3120 православных приходов. Возрождению интереса к религии и Церкви способствовало празднование в 1988 г. тысячелетия крещения Руси. Возрождались и другие конфессии, исторически существовавшие в России. Восстанавливались старые и открывались новые мусульманские мечети, иудейские синагоги, буддийские пагоды. Важным событием 1990 г. стало принятие союзного и российского законов “О свободе совести и религиозных организациях” и “О свободе вероисповеданий”, закреплявших новый характер государственно-церковных отношений. Признание важности религиозной традиции в жизни общества нашло отражение во включении дня Рождества Христова в число национальных праздников России. Впервые в новом качестве он был отпразднован 7 января 1991 г.

Бурные перемены происходили в кинематографе. В 1986 г. потрясением стала демонстрация фильма Т. Е. Абуладзе “Покаяние”. Картина свидетельствовала о готовности кинематографического сообщества к глубокому переосмыслению важнейших событий отечественной истории. С “полок” были возвращены более 100 ранее “отложенных” фильмов. Публика смогла познакомиться с работами А. А. Тарковского, А. Ю. Германа, А. С. Михалкова-Кончаловского, других режиссеров. Увлечение публицистической документалистикой в 1985-1991 гг. также отразилось в кино. Классикой тех лет стали полудокументальные фильмы С. С. Говорухина “Так жить нельзя” и Ю. Подниекса “Легко ли быть молодым?”. Кинематограф в числе первых среди других видов искусства столкнулся с таким новым явлением, как коммерциализация, значительно влиявшем на содержание художественного творчества.

Во второй половине 1980-х годов новый образ обретал и театр. Характерным стало широкое развитие студийного движения. Интерес публики привлекли театральные эксперименты С. Е. Кургиняна (Театр-студия “На досках”), М. Г. Розовского (Театр-студия “У Никитских ворот”), В. Беляковича (Театр-студия “На Юго-Западе”). Свойственная времени публицистичность нашла яркое отражение в популярных постановках М. А. Захарова в театре Ленинского комсомола (пьесы М. Шатрова “Диктатура совести”, “Синие кони на красной траве”, “Дальше, дальше, дальше” по-новому выведившие на сцену ленинскую проблематику). В первые перестроечные годы из подполья вышла музыкальная рок-культура. Концерты отечественных и зарубежных рок-групп собирали целые стадионы зрителей.

Однако далеко не все происходившие в духовной сфере процессы были однозначно позитивными. “Освобожденные” от прямого партийного диктата средства массовой информации очень быстро оказались втянутыми в острые политические баталии, порой доходя до разнузданного и малопривлекательного шельмования оппонентов, что негативно влияло на общественную атмосферу. Провозглашенная “деидеологизация”, избавление от коммунистического догматизма на деле оборачивались ускоренным утверждением другой, буржуазно-либеральной идеологии.

Отказ от конфронтации и сближение с Западом часто выливались в некритическое к нему отношение, увлечение его, далеко не бесспорными, “достижениями”. Это особенно пагубно сказалось в сфере культуры, искусства и общественных наук. С экранов кинотеатров, телевидения, с театральных подмостков демонстрировались преимущественно невысокого художественного качества ленты и постановки, основным содержанием которых были пропаганда культа насилия, порнография, не ограниченная моралью страсть к наживе. Тем самым наносились весьма ощутимые удары по эстетическим и нравственным ценностям российского общества, что особенно пагубно влияло на формирование сознания молодого поколения.